

УДК 330.34, 330.35, 330.88, 339.97, 339.98

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

© 2011 г. **В.С. Васильев, Е.А. Роговский***

«Самой большой угрозой для национальной безопасности США является наш стремительно растущий государственный долг».

Председатель КНШ США адмирал М. Маллен,
ExecutiveGov. 27.08.2010.

Анализируется комплекс причин, которые в последние 10 лет кардинальным образом изменили отношение высшего политического руководства США к проблеме экономической безопасности. Принятая администрацией Обамы в мае 2010 г. «Стратегия национальной безопасности» олицетворяет разрыв с концепцией открытой экономической системы, которая в 1990-е годы была положена в основу неолиберальной теории трансграничных мировых интеграционных процессов. Новый подход к национальной экономической безопасности обусловлен возможным наступлением эпохи экономических войн, которые высшее политическое руководство США попытается использовать для усиления конкурентных позиций США в системе мировых экономических отношений.

Ключевые слова: мировой финансово-экономический кризис, меняющиеся условия экономического развития и роста, стратегия национальной безопасности администрации Обамы, национальная экономическая безопасность, экономические войны.

Мировой финансовый кризис, начавшийся во второй половине 2007 г., стал важным рубежом в теоретическом и практическом понимании высшим политическим руководством США базовых особенностей функционирования высококоразвитой в научно-техническом отношении американской экономики, которая представляет третью подсистему общества наряду с идейно-духовной (ценностной) и государственно-правовой подсистемами. Администрация Обамы под влиянием многих факторов, накапливавшихся в развитии американской экономики после событий 11 сентября 2001 г. и завершившихся, по сути, глобальным финансово-экономическим катаклизмом, вынуждена постепенно отступать от фундаментальных основ неолиберальной («открытой») модели экономического развития, возобладавшей как в американской, так и в мировой

* **Васильев Владимир Сергеевич** – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: vsvasiliev@mail.ru; **Роговский Евгений Александрович** – кандидат экономических наук, руководитель Центра военно-промышленной политики ИСКРАН. E-mail: rogowsky@mail.ru

экономике с начала 1990-х годов в рамках ускоренной интеграции практически всех экономик мира, получившей общее название «глобализация».

Продолжавшаяся более 40 лет и характеризовавшаяся мощным идеологическим, государственным и экономическим противостоянием двух общественно-политических систем «холодная война» потребовала не только колоссальной концентрации материальных, финансовых и людских ресурсов. В воспроизводственный механизм функционирования экономических систем ведущих стран мира было привнесено принципиально важное, фундаментальное измерение – **«национальная безопасность»**. К сожалению, это измерение не получило своевременной политэкономической оценки и до сих пор глубоко не исследовано. До сих пор эту категорию ассоциируют с деятельностью военных и правоохранительных органов, а также спецслужб, направленной на сохранение политического режима данной общественной системы, и в этом смысле её рассматривают как экзогенный и даже чужеродный элемент по отношению к базисным экономическим категориям и производственным факторам – труду, капиталу и земле.

В докладе 2005 г. Центра регистрации жалоб на киберпреступность, созданного при ФБР, по этому поводу отмечалось, что в США получила широкое распространение точка зрения, в соответствии с которой ***расходы на обеспечение информационной безопасности носят обязательный характер (как и расходы на оборону страны), а потому традиционные критерии анализа экономической эффективности на них не распространяются*** [26, р. 9–10]. По нашему мнению, такой подход «силового ведомства» США неправомерен с методологической точки зрения, поскольку ведёт к систематическому завышению фактической экономической эффективности инноваций в сфере информационных технологий [1, с. 18].

Меняющиеся факторы механизма устойчивого экономического роста

По мере нарастания интеграционных процессов в мировой экономике с начала 1990-х годов среди американских экономистов стал усиливаться критический настрой в отношении адекватности производственных функций Кобба – Дугласа с постоянной эластичностью замены производственных факторов, главным образом труда и капитала, реальным механизмам долгосрочного экономического роста. Эти мультипликативные функции получили признание и распространение в 1950–1980-е годы и в общем случае имели вид:

$$Q = A X_1^a * X_2^b * X_3^c * ... * X_n^z,$$

где:

Q – результирующий интегральный объём производимых в экономике товаров и услуг за конкретный промежуток времени, например, за год;

A – некоторая константа либо параметр, зависящий от времени;

X₁, X₂, X₃,..., X_n – физические объёмы производственных факторов (труда, капитала, земли, сырья, полуфабрикатов и т.п.), используемых экономикой в данный промежуток времени;

a, b, c,... z – показатели степени, характеризующие вклад каждого фактора в результирующий интегральный объём производимых в экономике товаров и услуг.

Параметры **A** и **a, b, c,... z** подбираются с помощью эконометрических методов.

Производственные функции типа Кобба – Дугласа официально используются экономическими ведомствами федерального правительства для оценки потенциала экономики США и составления прогнозов её состояния в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Споры об адекватности этой модели экономисты всего мира ведут уже давно; в настоящее время использование этого методологического аппарата опирается на полуофициальное заключение Бюджетного управления Конгресса (БУК) США, сделанное в 2008 году.

Как считает БУК, такая функция имеет сравнительно простой вид, достаточно хорошо описывает динамику развития американской экономики и хорошо объясняет факт примерно постоянного распределения национального дохода США между факторами труда и капитала после Второй мировой войны. «В течение долгого времени американские экономисты считали эту модель почти аксиомой. Кроме того американские экономисты были благосклонно настроены по отношению к производственной функции Кобба – Дугласа ещё и по той причине, что она предлагала простые и понятные решения многих экономических проблем. Однако эмпирические и теоретические исследования последнего времени заставили серьёзно усомниться в правомерности применения производственной функции Кобба – Дугласа для моделирования динамики американской экономики» [14, р. 1].

«Ахиллесовой пятой» производственных функций типа Кобба – Дугласа является то, что они очень плохо отражают как причинно-следственные связи между факторами, так и сам механизм развития экономики (механизм влияния факторов на результирующий интегральный объём производимых в экономике товаров и услуг).

Однако во всех случаях производственная функция Кобба – Дугласа удивительным образом хорошо вписывалась в официальные макроэкономические показатели. В целом «производственные функции типа Кобба – Дугласа оказались достаточно гибкими для того, чтобы адекватно соответствовать макроэкономическим данным, которые, по сути, не имели действенной экономической интерпретации» [14, р. 15].

В результате к настоящему времени в экономическом инструментарии, активно используемом органами федерального правительства США для моделирования состояния американской экономики, возникла довольно парадоксальная ситуация, при которой **модель американской экономики, основанная на постулатах неоклассической теории, оказалась неспособной удовлетворительно объяснить причины наблюдаемых экономических явлений.**

На протяжении последних 10–15 лет американские экономисты занимаются активной разработкой моделей экономического роста, альтернативных неоклассической модели, в которых упор делается на выявление роли и взаимодействия составляющих **самого механизма устойчивого экономического роста**, и эти модели вскрыли совершенно другие экономические закономерности,

нежели основанные на формах взаимодействия и влияния факторов труда и капитала, восходящие ещё к трудам А. Смита (XVIII век) и Д. Рикардо (XIX век). Эта точка зрения на классические модели экономического роста получила признание и на уровне экспертов Международного валютного фонда (МВФ), которые отметили в своём исследовании 2008 г. феноменальное увеличение числа исследовательских работ, посвящённых реальным механизмам экономического роста, начавшееся с критики классической модели роста Р. Солоу – Т. Свана. Последняя была сформулирована ещё в середине 1950-х годов [48, 49]. Согласно этой модели «темпы экономического роста являлись экзогенной функцией роста рабочей силы и научно-технического прогресса. Однако основная проблема с подходом подобного рода свелась к тому, что эта теория не вычленила факторы, которые непосредственно определяли рост рабочей силы и научно-технический прогресс» [23, р. 5].

В результате, как с запозданием был вынужден признать бывший председатель ФРС А. Гринспен, отсутствие надёжных прогностических макроэкономических моделей привело к тому, что появление в ходе экономического роста пузырей на различного рода рынках «было легко определить, основываясь на тенденциях сокращения разрывов в процентных ставках по кредитам. Но не сам момент начала кризиса. Финансовый кризис может быть определён как внезапное и прерывистое падение цен активов. Если дисбалансы, которые порождают кризис, являются видимыми, то их можно заранее устранить. **Кризис наступает тогда, когда почти все участники рынка и регулирующие органы оказываются не в состоянии его предвидеть**».

И далее Гринспен философски заметил, что на протяжении всей своей карьеры он «встречал крайне ограниченное число аналитиков, которым *удавалось последовательно* предсказывать наступление прерывистых поворотных пунктов в экономическом развитии. Большая часть предположительно оправдавшихся прогнозов наступления кризисной ситуации на самом деле была сделана совершенно случайно» [50, р. 9].

Согласно модели, предложенной американскими экономистами К. Гувером и С. Пересом в 2004 г., основными факторами, объясняющими феномен устойчивого экономического роста и стабильного экономического развития (в возрастающем значении), являются: 1) количество политических переворотов и революций; 2) доля населения, являющего носителем протестантской системы ценностей; 3) доля населения, являющего носителем конфуцианской системы ценностей; 4) доля в ВВП инвестиций в машины и оборудование и 5) количество лет, в течение которых экономика страны могла считаться экономикой «открытого типа» [36, р. 788–789].

В этом подходе, по сути, выделены три группы факторов. *Первая группа* – это факторы политического плана: политические потрясения и революции, которые оказывали негативное воздействие на экономическое развитие, замедляя темпы экономического роста или даже вообще приостанавливая его. *Вторая группа* – факторы культурно-религиозного плана, в частности протестантская система ценностей, которая получила распространение среди значительной части населения США, Германии, Великобритании, ряда других западноевропейских стран, и «конфуцианская система» ценностей, носителями

которой является население шести азиатских стран, в том числе Южной Кореи и КНР. Результаты исследования К. Гувера и С. Переса в этой части вследствие новизны использованной методологии даже по их собственному признанию носили достаточно противоречивый характер, однако в целом их можно было интерпретировать таким образом, что наличие в расово-этническом составе населения и рабочей силы ведущих экономических стран мира, в том числе и Соединённых Штатов, социальных групп, исповедующих протестантские и конфуцианские системы религиозно-культурных ценностей, т.е. англосаксов и выходцев из восточноазиатских стран, является важнейшим фактором обеспечения стабильности экономического развития, хотя и не всегда подкрепляемого количественно.

И, наконец, сугубо экономические показатели были отнесены к *третьей группе факторов*, однако и здесь показатель «открытости экономики» носил не вполне экономический характер: самой открытой была признана экономика Австралии, которая на момент публикации исследования имела почти 70-летний стаж непрерывной «открытости» [36, р. 788]. Однако «открытость» австралийской экономики, равно как и экономики США, отражала не столько факт последовательно проводимой политическим руководством этих стран внешнеторговой политики, сколько особенность географического положения этих стран, которое обеспечивало их геополитическую неуязвимость, во всяком случае вплоть до появления стратегического ядерного оружия.

Именно это обстоятельство побудило аналитиков МВФ в 2008 г. предложить совокупность из 67 показателей (факторов), обеспечивающих устойчивые темпы экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе. Эти факторы разбиты на четыре основные категории: 1) экономические показатели и показатели развития человеческого капитала (29 параметров); 2) политические факторы (политический строй/режим) (7 параметров); 3) культурно-религиозные показатели (16 параметров), и 4) географические и демографические факторы (16 параметров) [23, р. 10].

В итоге, согласно оценкам аналитиков МВФ, устойчивые и высокие темпы экономического роста и развития обеспечивались десятью основными факторами. Это:

1) четыре экономических параметра (продолжительность периода открытости экономики, доля государства в валовом потреблении, доля государственных расходов в ВВП на оборону и исходный уровень доходов на душу населения) и два параметра развития человеческого капитала (доля государственных расходов в валовых расходах на образование, а также доля молодёжи, получающей незаконченное и законченное высшее образование);

2) четыре демографических параметра (средняя продолжительность жизни, темпы роста населения, уровень фертильности и доля населения в возрасте моложе 15 лет) [23, р. 22].

В целом на основании своего исследования аналитики МВФ пришли к выводу, согласно которому для устойчивых и высоких темпов «экономического роста действительно имеют значение такие факторы, как удачное географическое положение страны и **благоприятные внешние условия** (выделено нами – *Авт.*) в сочетании с последовательной государственной экономической полити-

кой, направленной на стимулирование конкурентоспособности на мировых рынках и на развитие человеческого капитала» [23, р. 24].

Результаты исследований К. Гувера и С. Переса, а также аналитиков МВФ не оставляют сомнений в том, что в начале XXI века, возможно под влиянием событий 11 сентября 2001 г., **фокус внимания американских и зарубежных экономистов сместился к такой комбинации политических, социально-экономических и культурно-религиозных факторов, которые объединены понятием институциональной инфраструктуры, обеспечивающей национальную безопасность**. Надёжно обеспеченная национальная безопасность позволяет избежать политических потрясений и революций*, является основой для формирования устойчивых благоприятных внешнеэкономических условий, включая способность к эффективному противостоянию и противодействию внешней военной агрессии, и для повышения склонности населения к инвестированию (уверенности в «завтрашнем дне»), что опосредованно сказывается и на темпах рождаемости, и на средней продолжительности жизни.

Неолиберальная модель мировых интеграционных процессов и экономическая безопасность

1990-е годы вошли в анналы экономической истории и историю экономической мысли как «рассвет» глобализации, основанной на максимально возможной степени открытости национальных экономик с целью свободного обращения в мировой экономике товаров и услуг, капиталов и рабочей силы. Наиболее знаковым событием того периода явилось создание в 1995 г. по инициативе США Всемирной торговой организации (ВТО), которая была призвана обеспечить «трансграничный» режим функционирования составных элементов мировой экономики – национальных экономических систем. В своём ежегодном докладе 2003 г. эксперты ВТО сформулировали базовые идеи модели неолиберальных интеграционных процессов, которые с тех пор прочно вошли в арсенал идеологии рыночного фундаментализма. Главным элементом этой модели явилось представление о том, что локомотивом экономического развития и

* Так, согласно недавнему заключению аналитиков МВФ, сделанному на основе выборки из 169 стран, включая и промышленно развитые, применительно к периоду 1960–2004 гг., даже такой параметр политической нестабильности, как смена кабинета министров, проявившая себя в смене главы правительства и не менее 50% членов кабинета (министров), в расчёте на 4-летний период снижает темпы роста ВВП на душу населения на 2,4 процентных пункта, из которых в среднем 55% приходится на долю совокупной факторной производительности, 25% – на долю инвестиций в физические активы, и 20% – на долю инвестиций в человеческий капитал. [3, р. 4, 23]. Как отметили в заключении своего исследования аналитики МВФ, государственные деятели «в политически нестабильных странах должны выявить глубинные причины политической нестабильности и попытаться смягчить её проявления при разработке и проведении в жизнь экономической политики. И только после этого страны могут выработать такую долгосрочную экономическую политику, которая будет способствовать ускоренным темпам экономического роста» [3, р. 25]. По убеждению авторов настоящей статьи истинные причины политической нестабильности в большинстве стран предельно очевидны – это полное исключение из экономической политики такой составляющей, как соображения национальной безопасности.

роста национальных экономик являются торгово-экономические связи, основанные на максимальной открытости национальных экономик.

Достижение максимальной эффективности развития как национальных экономических систем, так и глобальной экономики в целом постулировалось как функция трансформации национальных рынков продукции, капитала и услуг в общемировые; при этом был сформулирован тезис о том, что переход «порога» от национального к общемировому рынку создаёт эффект «самоподдерживающегося цикла» развития экономик, «достижение которого становилось возможным при наличии критической массы производителей и критического уровня спроса»; самоподдерживающийся цикл формировался при постепенном расширении производственных процессов «от сектора домашних хозяйств к рынку за пределами региональных границ, а затем и за пределами национальных границ, что и являлось главным условием внедрения методов промышленных производств, основанных на принципе минимизации затрат за счёт роста масштабов производственных процессов» [57, р. 85].

Однако только этим достоинства открытых экономик не исчерпывались. Открытость экономики стала трактоваться как важнейшее условие научно-технического прогресса, поскольку «торговля способствует повышению специализации и стимулирует инвестиции ради достижения экономии на масштабах производства и ускорения передачи технологии между странами. Инвестиции всё в большей степени направляются в научные исследования и разработки (НИР) и быстрее воплощаются в машинах, оборудовании и новых видах потребительских товаров и услуг, что требует дополнительных инвестиций для освоения мировых рынков. Крупные инвестиции в наукоёмкие производства требуют сравнительно больших рынков для того, чтобы инновационные фирмы в конечном счёте могли получать достаточные прибыли. Внешняя торговля обеспечивает рыночные условия, необходимые для инвестиций в НИР и широкой диффузии нововведений на мировых рынках. Открытые экономики поэтому являются более обещающими для научных исследований и разработок, и именно по этой причине открытые экономики имеют более высокую норму инвестиций» [57, р. 89].

Но и на этом достоинства открытой экономики не заканчивались. Открытость экономик рассматривалась как важнейший фактор эффективного развития сектора финансовых услуг, в том числе и транснациональных финансовых институтов, которые «играют критически важную роль для мобилизации и эффективного распределения инвестиционных ресурсов». Эксперты ВТО, словно сирены из древнегреческих мифов, утверждали, что международная торговля финансовыми услугами будет способствовать резкому повышению эффективности функционирования этого сектора многих национальных экономик, поскольку «степень развития этого сектора хорошо коррелируется с темпами экономического роста, что исключительно важно для будущего экономического развития» [57, р. 89].

Принципиально важно отметить, что внешнеторговая стратегия экономического роста противопоставлялась стратегии ускоренного экономического развития, которым большинство стран, в том числе и США, следовали в 1950-е и 1960-е годы, когда упор делался на развитие главным образом внутренних

Таблица 1

**Влияние роста открытости экономик
на ключевые экономические параметры в 1973–2000 гг., %**

Параметры	1973–1985 гг.		1985–2000 гг.	
	Быстро растущие экономики*	Медленно растущие экономики**	Быстро растущие экономики*	Медленно растущие экономики**
Темпы роста ВВП на душу населения	2,9	- 0,9	3,0	0,0
Доля инвестиций в ВВП	20,9	14,0	18,8	12,2
Степень открытости экономики (соотношение экспорта и импорта к ВВП)	72,3	58,2	79,3	64,0

* страны с темпами роста выше средних в выборке из 117 стран для периода 1973–1985 гг. и выборке из 110 стран для периода 1985–2000 гг.

** страны с темпами роста ниже средних в выборке из 117 стран для периода 1973–1985 гг. и выборке из 110 стран для периода 1985–2000 гг.

WTO. World Trade Report 2003. Trade and Development. Geneva, 2003, p. 86
(<http://www.wto.org>).

рынков на основе индустриализации, на повышение нормы инвестиций и совершенствование механизмов государственного управления экономикой, а именно на «систему государственного планирования и защиту внутренних рынков» [57, р. 89].

Парадокс выводов и заключений экспертов и аналитиков ВТО, сделанных в 2003 г., заключался в том, что «красиво сформулированный» **тезис о повышении нормы инвестиций в национальные экономики как прямое следствие расширения режима их открытости тут же достаточно убедительно опровергался статистическими выкладками**, призванными дать количественное его подтверждение! Статистические данные убедительно свидетельствовали о том, что по мере «открытия экономик» норма инвестиций по отношению к ВВП падала, при этом она падала в странах как с высокими, так и с низкими темпами экономического роста. Эти тенденции можно наглядно проследить на основе данных, приведённых в таблице 1.

Мы считаем, что страны с быстро растущей экономикой могли добиться повышения темпов роста ВВП на душу населения на символические 0,1% и на основе прежней модели экономического развития, делавшей упор на развитие внутренней экономики, а нулевые темпы роста этого показателя среди медленно растущих стран едва ли служат убедительным подтверждением тезиса о неоспоримых достоинствах модели открытой экономики для всех без исключения стран, независимо от уровня развития их производительных сил.

В этом контексте более убедительным представляется мнение, что глобализация «запустила» в действие совершенно другой механизм развития – а именно механизм деиндустриализации, которая затронула в той или иной степени практически все страны мира, в том числе и США. Так, в частности, только с 1990 по 2000 г. доля обрабатывающей промышленности в ВВП США уменьшилась на 2,5% – с 16,7 до 14,2%, а вся доля товаропроизводящих отраслей частного сектора экономики США за этот период сократилась более чем на 3,0% – с 24,1 до 21,0% [7].

В свою очередь, деиндустриализация послужила знаковым символом не столько прогрессивных изменений в экономическом развитии, сколько свидетельством того, что современные сложные технико-экономические системы способны к регрессной модели экономического «развития», к переходу на доиндустриальные (они же и постиндустриальные) экономические формы и отношения. Поборники свободного рыночного хозяйства ещё какое-то время назад могли убаюкивать себя тем, что ослабление роли и сокращение доли обрабатывающей промышленности в экономике США объясняется импортозамещением, что на первый взгляд являлось логическим следствием большей открытости экономики. Экономисты администрации Дж. Буша-мл. не видели ничего негативного в том факте, что на протяжении последних 30 лет XX столетия доля внутренних товаропроизводителей неуклонно сокращалась, и особенно быстрыми темпами именно в 1990-е годы, в результате чего доля товаров, производимых внутри США, в общем их потреблении в американской экономике уменьшилась с 91% в 1970 г. до 68% в 2000 г. [24, p. 63].

Однако к концу первого десятилетия XXI века администрация Обамы забила тревогу в отношении перспектив развития обрабатывающей промышленности и товаропроизводящих отраслей американской экономики. В 2007–2009 гг. экономический кризис ещё больше ослабил позиции этих отраслей реального сектора американской экономики; в частности, доля обрабатывающей промышленности в ВВП уменьшилась за три года кризиса с 12,1% до 11,2%, а доля товаропроизводящих отраслей частного сектора экономики – с 19,6% до 17,7% ВВП [35, p. 21]. В декабре 2009 г. администрация Обамы была вынуждена в спешном порядке принять Государственную стратегию возрождения обрабатывающей промышленности США. Фундаментальная причина принятия этой стратегии, как подчёркивалось в программном документе администрации, состояла в том, что полностью провалилась стратегия и тактика опоры на свободный рынок, «на сокращение государственной поддержки критически важных программ научных исследований и разработок и надежд на то, что рынок сам решит все проблемы обрабатывающей промышленности США. Этот подход обернулся резким падением количества рабочих мест на протяжении последних 10 лет, но самое главное состоит в том, что он породил угрозу утраты потенциала инновационного развития этой сферы экономики в течение следующих десятилетий» [25, p. 11]. И этот провал произошёл несмотря на то, что по объёму производимой продукции (1,4 трлн. долл.) обрабатывающая промышленность США равна экономике Канады, а 70% всех промышленных НИР частного сектора американской экономики в объёме почти 150 млрд. долл. ежегодно приходились на долю фирм и компаний обрабатывающей промышленности США [25, p. 7].

В Государственной стратегии возрождения обрабатывающей промышленности США главный упор делается на поддержку научных исследований и разработок с целью перевода большей части отраслей обрабатывающей промышленности на новый технологический уклад. Однако главную задачу государства экономисты администрации видят в том, что оно «должно заполнить те ниши, где рынок оказался не в состоянии достичь оптимума критически важных показателей» [25, p. 4]. Таким образом, между строк документа, со-

ставленного под руководством рыночного фундаменталиста Л. Саммерса, занимавшего пост директора Национального экономического совета в администрации Обамы с января 2009 г. по декабрь 2010 г., явно читается признание: ***открытая экономики и глобальные рынки не в состоянии обеспечить оптимум развития критически важных отраслей промышленности и экономики США в целом.*** А ведь эксперты и аналитики ВТО, опиравшиеся исключительно на работы американских экономистов, опубликованные в конце 1990-х годов, ещё совсем недавно утверждали обратное.

Однако, возможно, самая главная причина появления Государственной стратегии возрождения обрабатывающей промышленности США была искусно спрятана в начальных разделах документа, в которых говорилось о роли обрабатывающей промышленности в экономическом развитии США: отставание и упадок этой сферы экономики создают прямую угрозу национальной безопасности США, поскольку США «должны сохранять способность производить определённые виды продукции, необходимые для обороны Америки военными средствами» [25, р. 1].

В 1990-е годы в США под влиянием концепций о максимальной открытости экономики была, по сути, разрушена система экспортного контроля над наукоёмкими и стратегическими видами продукции, которая была введена в конце 1940-х годов и являлась одним из важнейших инструментов американского арсенала «холодной войны», хотя демократическая администрация Клинтона и оставила в неприкосновенности основные положения соответствующего законодательства. Как отмечалось в недавнем аналитическом докладе Исследовательской службы Конгресса США, после того, как в 1991 г. прекратил своё существование Советский Союз, «система экспортного контроля была значительно уменьшена в своих размерах и сильно упрощена... В тот период большое число ответственных лиц высказалось в пользу полного демонтажа этой системы с целью расширения американского экспорта, исключения его из системы мер по обеспечению национальной безопасности или переходу на систему простых штрафных санкций» [18, р. 2].

Необходимо также напомнить, что достижение максимальной открытости экономических систем во многих странах было осуществлено на путях радикальных рыночных реформ, ознаменовавших появление такого феномена, как «шоковый капитализм», который связывается с именем М. Фридмана и чикагской школы экономики. Как отметила канадский экономист и публицист Н. Кляйн, на протяжении почти трёх десятилетий М. Фридман и его приверженцы создавали базовые основы «шокового капитализма»: «ждать глубокого кризиса, затем распродать всю государственную собственность частным игрокам, пока рядовые граждане будут приходить в себя после шоковых потрясений». Как остроумно заметила Н. Кляйн, «в ходе кризиса предпринимаемые действия зависят от идей, “ витающих в воздухе ”. Одни люди бросаются в магазины скупать консервы и бутылки питьевой воды, а профессора экономики Чикагского университета пришли к выводу, что настало время для быстрой и решительной реализации радикальных и необратимых преобразований, чтобы не допустить нового сползания сотрясённого кризисом общества к “ тирании статус-кво ” » [41, р. VI].

Подчеркнём, что «шоковая терапия» по определению исключает из круга фундаментальных экономических категорий понятие «национальной экономической безопасности» как наиболее обременительное для «трансграничной» логики «свободных» рыночных отношений.

В концентрированном виде эта логика была изложена в публикации одного из «мозговых центров» рыночного фундаментализма – Института Като, появившейся 1 августа 2001 г. Её пафос был прост – саморегулирующийся свободный рынок и рыночные механизмы как таковые в состоянии обеспечить необходимую обществу экономическую безопасность. В публикации дословно утверждалось, что «экономика играет важную роль при выработке стратегии. В стратегии национальной безопасности Америки экономика должна выступать только в виде фактора, определяющего бюджетные ограничения, как инструмент распределения ресурсов и оценки издержек достижения целей национальной безопасности и альтернативных направлений их реализации. Но как таковая экономическая безопасность лучше всего может быть обеспечена с помощью рыночного механизма. Если мы исключим из списка приоритетов стратегии национальной безопасности США процветание и экономическую безопасность, то тем самым сэконоим значительное количество финансовых ресурсов и устраним “шумовые помехи”, сопровождающие процесс выработки стратегии национальной безопасности. Реальные цели стратегии национальной безопасности могут быть достигнуты путём исключения второстепенных целей и концентрации на действительно важных и приоритетных. Америка уже вступила в XXI век, оставив далеко позади 1970-е годы. Пришло время пересмотреть и переформулировать цели политики в области обеспечения национальной безопасности» [12, р. 9].

Прошло немногим более месяца, и ход мировой истории достаточно убедительно доказал, что суровые реалии 1970-х и 1980-х годов достаточно уверенно перекочевали и в новое столетие. **Оценки возникших экономических рисков стали во многом неприемлемыми как для правительства, так и для элиты американского общества.**

Безопасность как важнейшее условие экономического прогресса

Период после событий 11 сентября 2001 г. ознаменовался в США быстрым расширением тех сфер экономической деятельности, важнейшим условием развития которых является обеспечение безопасности. Это нашло отражение в росте **традиционных расходов на национальную безопасность**, ассоциируемых с военным бюджетом США, а также бюджетами национального разведывательного сообщества и правоохранительных органов.

В соответствии с принятой в 2002 г. республиканской администрацией Дж. Буша-мл. концепцией национальной безопасности в США была создана принципиально новая структура – федеральное Министерство внутренней безопасности, которое и по числу сотрудников, и по расходам стало одним из крупнейших среди 15 министерств федерального правительства. Расходы на обеспечение внутренней безопасности практически с момента создания соот-

Таблица 2

**Расходы США на обеспечение национальной безопасности США
в 2001–2011 фин.гг., в постоянных долларах 2012 фин. г.**

	Суммарные расходы	В том числе 2001 фин. г.	В том числе 2011 фин. г.	Рост без учёта /с учётом ин- фляции
Расходы по линии Министерства обороны:	6,2 трлн. долл.	290,5 млрд. долл.	526,1 млрд. долл.	81%/43%
— <i>дополнительно на военные действия в Ираке и Афганистане</i>	1,26 трлн. долл.			
Расходы на модернизацию ядерного потенциала (по линии Министерства энергетики)	204,5 млрд. долл.	12,4 млрд. долл.	19,0 млрд. долл.	53% / 21%
Расходы на обеспечение внутренней безопасности*	635,9 млрд. долл.	16 млрд. долл.	69,1 млрд. долл.	332% / 301%

* суммарно по линии Министерств внутренней безопасности, обороны, юстиции, здравоохранения и социальных услуг, Государственного департамента США.

Составлено и рассчитано по: *National Priorities Project. Bringing the Federal Budget Home. Publications. U.S. Security Spending Since 9/11. May 26, 2011* (<http://www.nationalpriorities.org>).

ветствующего министерства стали суммироваться с расходами Министерства обороны США.

Следует иметь в виду одно обстоятельство принципиально важного свойства — с момента принятия в 1947 г. закона «О национальной безопасности США» **расходы на национальную безопасность рассматривались** как расходы на обеспечение незыблемости политического строя США, *то есть как расходы на обеспечение политической стабильности американского общества в широком смысле этого слова*. Как показал опыт СССР, сам по себе статус сверхдержавы, обладающей ракетно-ядерным оружием, отнюдь не гарантирует незыблемости общественного порядка. Поэтому и после окончания «холодной войны» правящие круги США, по всей видимости, полагали, что угроза смены общественного строя в стране всё-таки сохраняется — пусть и в достаточно призрачной форме.

В течение 10 лет, начиная с 2001 и кончая 2011 фин. г., США израсходовали на обеспечение национальной безопасности в традиционном смысле этого понятия **в общей сложности 7,3 трлн. долл.** (в постоянных ценах 2012 фин.г.) в качестве прямых расходов на военные действия в Ираке и Афганистане, расходов на модернизацию своего ядерного потенциала и на внутреннюю безопасность, что по объёму финансовых затрат вполне сопоставимо с их расходами на национальную безопасность в годы пребывания у власти республиканских администраций Р. Рейгана — Дж. Буша-ст. (1981–1993 гг.), т.е. в период, когда «холодная война» достигла своего апогея. Детальные данные о расходах США на обеспечение национальной безопасности в 2001–2011 фин. гг. приведены в таблице 2.

Тот факт, что создание федерального Министерства внутренней безопасности означает формирование в американском обществе фундаментально иной

культуры безопасности, подтверждается и словами министра внутренней безопасности США Дж. Наполитано, которая, выступая в феврале 2011 г. в Конгрессе США, напомнила американским законодателям, что обеспечение внутренней безопасности является «делом всего американского народа», а не только органов безопасности федерального правительства: «Укрепление и совершенствование всей архитектуры внутренней безопасности США, включающие коллективные усилия и общую ответственность федеральных, штатных, местных, племенных, территориальных, негосударственных и частных структур, а также отдельных граждан, семей и общин, являются критически важными для успеха деятельности Министерства внутренней безопасности в выполнении поставленных перед ним целей и конкретных задач» [46, р. 10].

Кибербезопасность – магистральное направление дальнейшего развития всей информационной инфраструктуры США

В целом информационно-коммуникационные технологии (ИКТ-технологии) в конце XX – начале XXI века развивались очень быстро. Это, прежде всего, относится к космической навигации (GPS-технологии), цифровым коммуникациям и Интернету. В результате в США раньше чем в других странах мира был создан мощный информационный потенциал (информационная инфраструктура общества, информационное пространство), который фактически обусловил постиндустриальный путь развития всей экономики страны, а также формирование в США информационного общества.

Однако широкое распространение ИКТ-технологий имело и негативные последствия, что создало для США множество новых серьёзных угроз в отношении как национальной, так и экономической безопасности. В XXI веке развитие американской экономики будет зависеть не только от темпов ИКТ-инноваций, но также и от того, насколько США удастся защитить своё информационное пространство.

Данные о нанесённом кибератаками ущербе, публикуемые Центром по противодействию компьютерной преступности ФБР в «Докладе об Интернет-преступности 2009» [27, р. 4], показывают, что рост компьютерной преступности продолжается достаточно быстрыми темпами (см. рис. 1); особенно поражает резкий (более чем в 2 раза, см. рис. 2) скачок финансовых потерь от компьютерных преступлений, зарегистрированный в 2009 г. по отношению к 2008 г. Аналитики отмечают также, что в последние годы около трети всего ущерба от компьютерных правонарушений приходится на финансовые кибермошенничества, осуществляемые путём кибератак различного типа.

Однако эти количественные оценки не отражают качественной стороны вопроса. Угроза экономической безопасности в информационном пространстве происходит, прежде всего, из возможности скомпрометировать личные, или коммерческие данные, получить несанкционированный доступ к коммерческой тайне.

Рис. 1. Динамика жалоб на компьютерные преступления, зарегистрированных Центром по противодействию компьютерной преступности ФБР

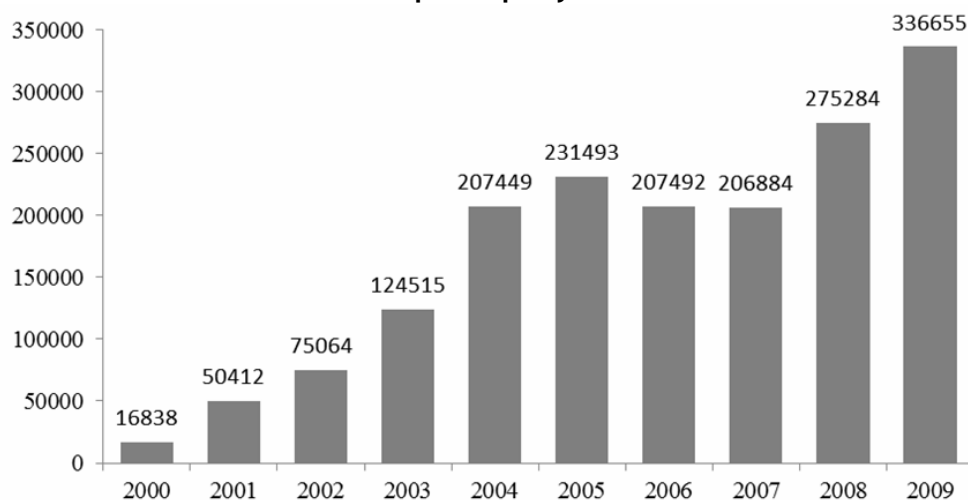
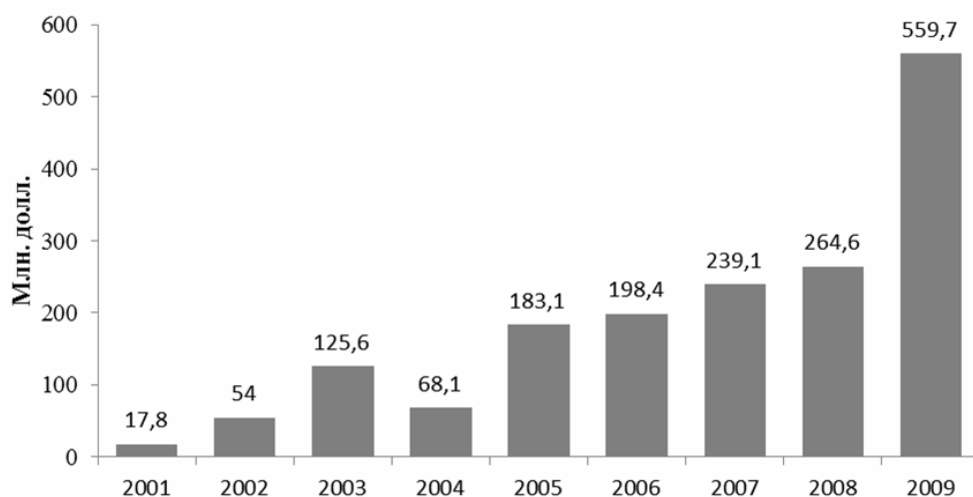

Рис. 2. Динамика потерь (ущерба) по зарегистрированным жалобам (млн. долл.)

Соответственно оценка последствий кибератак определяется ценностью украденных данных, а также тем, как их удалось использовать. Здесь важно учитывать, что, с одной стороны, в детальном анализе и подсчете реального ущерба, нанесенного удачной кибератакой, бизнес, как правило, не заинтересован; с другой стороны, оценки потенциального ущерба зачастую носят не столько конкретный экономический характер, сколько политический.

В ежегодном (2011 г.) докладе директора национальной разведки Дж. Клеппера об оценке стоящих перед США угроз прямо констатируется тот факт, что «на протяжении прошлого года мы стали свидетелями резкого увеличения зловредной киберактивности, направленной против американских компьютеров и компьютерных сетей; примерно две трети американских фирм сообщили

о том, что они стали жертвами нарушения режима кибербезопасности или утечек информации. Количество зловредных программ, циркулирующих в американских компьютерных сетях, в период с 2009 г. утроилось» [45, р. 26]. Это мнение, учитывая масштабы американской экономики, позволяет сделать вывод о том, что потенциально последствия таких кибератак могут иметь макроэкономический масштаб, измеряемый сотнями миллиардов, если не триллионами долларов.

Американские специалисты признают, что широкое распространение компьютеров и современных средств связи привело к возрастанию зависимости всех критически важных элементов национальной экономической инфраструктуры от нормального функционирования информационных технологий. Поэтому повреждение или разрушение информационных сетей, обеспечивающих нормальную работу транспорта, энергетического хозяйства и проч., непосредственно воздействует на экономику в целом, которая оказывается «прискорбно незащищённой» и очень уязвимой для террористических атак.

В своё время администрация Дж. Буша-мл. в «Национальной стратегии защиты киберпространства США 2003» определила три стратегические цели: 1) предотвращение кибератак, направленных против критически важных инфраструктурных объектов; 2) сокращение уязвимости страны по отношению к кибератакам; 3) минимизация ущерба от проведённых кибератак и сокращение сроков восстановления повреждений [52, р. 14]. Этим целям соответствовали пять приоритетов национального уровня: 1) создание национальной системы реагирования на киберинциденты; 2) разработка программы предотвращения киберугроз; 3) разработка программы осведомлённости о состоянии национальной кибербезопасности; 4) разработка программы подготовки кадров для защиты государственного сектора киберпространства; 5) организация механизма кооперации (взаимодействия) между системой национальной безопасности и системой защиты киберпространства.

Федеральное правительство США признало, что от надёжной и устойчивой работы информационной инфраструктуры США зависит очень многое, что экономика страны оказалась уязвимой к террористическим атакам, а государство не готово противостоять террористическим угрозам и просто не в состоянии обеспечить соответствующими системами компьютерной безопасности все частные банки, энергетические компании, предприятия транспорта и другие компоненты частного сектора. В правительственных документах отмечается, что в настоящее время с точки зрения безопасности сложились следующие неблагоприятные условия развития информационной инфраструктуры:

- ◆ чрезмерная скорость устаревания техники;
- ◆ безграничность Интернета и неадекватность нормативно-правовой базы, регулирующей информационные потоки;
- ◆ невозможность идентификации преступников;
- ◆ ограниченные ресурсы обеспечения кибербезопасности.

Угрозы информационной безопасности могут приобретать различные формы и иметь характер природных катастроф, случайных событий или целенаправленного саботажа против линий связи, серверов и беспроводных коммуникационных сетей как на территории США, так и за её пределами (например, в космосе). Не менее разрушительными являются угрозы, когда одна

страна получает технические средства блокировать веб-сайты, принадлежащие пользователям другой страны, что может вызвать каскадные отказы в международной сети. Пользователям онлайн-торговли и социальных сетей (а также их личной безопасности) могут угрожать вымогательством, мошенничеством, кражей персональных данных и многими иными правонарушениями, ставшими возможными благодаря широкому распространению интернет-технологий. Кроме того серьёзную угрозу для опирающейся на инновации национальной конкурентоспособности представляют кражи интеллектуальной собственности. Низкие издержки проникновения в чужое киберпространство, а также имеющиеся возможности анонимного присутствия в нём, могут создать виртуальную «тихую гавань» для криминала.

Проблема состоит также и в том, что даже компании, работающие в сфере ИКТ-технологий, далеко не всегда способны себя защитить. Так, в специальном докладе Главного контрольно-финансового управления (ГКФУ) констатируется, что в начале 2010 г. жертвами компьютерных вторжений стали не менее 30 высокотехнологичных фирм. Эти кибератаки инфицировали офисные компьютеры секретными программами, создающими возможности для несанкционированного доступа к файлам, содержащим критически важную для этих фирм информацию [31, р. 6].

Более того, кибератаки, свободно преодолевающие национальные границы, по мере распространения на киберпространство имеющихся традиционных форм конфликтов, могут угрожать международной стабильности и безопасности [39, р. 4]. В упомянутом докладе ГКФУ говорится о том, что одна из калифорнийских юридических фирм подняла тревогу в связи с подозрениями в краже китайскими компаниями её программ, которые были раскрыты для десятков миллионов пользователей как часть программного обеспечения, разработанного под эгидой китайского правительства. В этой связи американская компания заявила, что её ущерб составляет более 2,2 млрд. долл. [31, р. 6].

Всё это потребовало усиления режима безопасности как основы для нормального функционирования не только отраслей, производящих ИКТ-продукцию и услуги, но и всей информационной инфраструктуры США. В этой стране большинство элементов информационной инфраструктуры, в том числе критически важных для национальной безопасности, принадлежат частному сектору, а основная масса компьютеров и коммуникаторов находится в личном пользовании у граждан. Поэтому обеспечение информационной безопасности США стало не только государственным делом, ведь государственное регулирование этой сферы зачастую рассматривается как вмешательство государства в бизнес и в права граждан. И администрация Дж. Буша-мл. и администрация Обамы неоднократно заявляли, что для обеспечения кибербезопасности страны необходимо тесное сотрудничество государства с бизнесом и гражданским обществом*.

* Директива президента США NSPD-54/HSPD23 определяет «киберпространство» как «независимую сеть информационно-технологических инфраструктур, включая Интернет, телекоммуникационные сети, компьютерные системы, а также бортовые процессоры и контроллеры (сенсорные датчики) на критически важных объектах. Обычно использование этого термина подразумевает также виртуальное информационное пространство и взаимодействия между людьми (в нём)».

Обеспечение безопасности как главная форма модернизации транспортной инфраструктуры

Все виды современного транспорта – воздушный, железнодорожный, автомобильный, морской и речной, трубопроводный – играют всё возрастающую роль в функционировании современной высокотехнологической экономики, являясь, по сути, её системой «кровообращения». В первом десятилетии XXI века доля транспорта в общем объёме производимого ВВП США достаточно устойчиво составляла порядка 3% (в кризисные 2008–2010 г. – 2,8% ВВП). В абсолютном выражении в номинальном исчислении объём стоимости, добавленной транспортной отраслью в ВВП, вырос до 400 с лишним миллиардов долларов [7].

События 11 сентября 2001 г. воочию показали, какой ущерб экономике может нанести несанкционированное использование средств воздушного транспорта. Именно поэтому одной из главных задач, поставленных перед Министерством внутренней безопасности, является обеспечение охраны и безопасности функционирования авиа- и железнодорожных терминалов, морских портов, транспортных развязок, транспортной системы США в целом. С самого начала расходы федерального правительства на обеспечение безопасности функционирования транспортной инфраструктуры США были выведены на достаточно высокий уровень, составив в 2003 фин. г. 9,5 млрд. долл., или почти треть всех расходов на обеспечение внутренней безопасности (за исключением расходов по линии Министерства обороны США) [Рассчитано по: 4, р. 38]. В 2011 фин. г. эти расходы увеличились до 11,2 млрд. долл., хотя их доля в общих федеральных расходах на обеспечение внутренней безопасности (без учёта ассигнований Министерству обороны США) несколько сократилась – примерно до четверти. Предполагается, что в дальнейшем федеральные расходы на обеспечение транспортной безопасности будут расти и достигнут в 2016 фин.г. величины порядка 13 млрд. долл. [Рассчитано по: 29, р. 410].

В действующем в настоящее время федеральном плане обеспечения безопасности критических объектов инфраструктуры, принятом в 2009 г., прямо говорится о том, что «Министерство транспорта сотрудничает с Министерством внутренней безопасности по всем вопросам, имеющим отношение к транспортной безопасности и охраны объектов транспортной инфраструктуры, включая управление национальной системой воздушного движения. Эти два министерства тесно сотрудничают в сфере регулирования перевозки опасных веществ всеми видами транспортного сообщения, включая трубопроводный» [43, р. 20]. Фактически важнейшей функцией Министерства транспорта США стало именно обеспечение безопасности перевозок.

Энергетическая безопасность и развитие топливно-энергетического комплекса (ТЭК)

Проблема растущей уязвимости экономики США к перебоям в поставках углеводородного топлива с мировых энергетических рынков стала обостряться с середины 1970-х годов. А потому именно соображения беспрепятственного доступа энергетических корпораций США к мировым запасам энергетического

Таблица 3

**Динамика нарастания остроты проблемы
энергетической безопасности США на протяжении последних 40 лет**

Год	Импорт нефти, %	Стратегические установки администраций по реализации планов энергетической безопасности
1974	36,1%	Президент Р. Никсон: «К концу этого десятилетия, в 1980 г., США уже больше не будут зависеть от поставок нефти из какой-либо страны».
1979	40,5%	Президент Дж. Картер: «Начиная с этого года, наша страна уже никогда не будет импортировать больше нефти, чем в 1977 г., — никогда более».
1981	43,6%	Президент Р. Рейган: «Хотя сбережение энергии является важным направлением энергетической политики, самым лучшим ответом на зависимость от внешних поставок энергии является максимально возможный рост нашего собственного её производства».
1995	49,8%	Президент У. Клинтон: «Растущая зависимость нашей страны от импорта нефти угрожает нашей национальной безопасности, и поэтому мы должны всемерно увеличивать энергопроизводство внутри страны».
2006	65,5%	Президент Дж. Буш-мл.: «Прорывы в науке и технике будут способствовать достижению другой великой цели — уменьшению на 75% нашего импорта нефти из стран Ближнего и Среднего Востока».
2009	66,2%	Президент Б. Обама: «Политика моей администрации будет заключаться в том, чтобы обратить вспять тенденцию к росту нашей зависимости от импортируемой нефти путём создания “новой энергетической экономики”, в которой будут созданы миллионы рабочих мест».

Cooley K. Energy Security is National Security. Comments featured at the 2010 Topical Symposium: Economic Security: Neglected Dimension of National Security Hosted by: The Institute for National Strategic Studies of The National Defense University, 24–25 August 2010. P. 2 (<http://www.isnss.com>).

сырья определяли суть экономической политики республиканских администраций Р. Рейгана – Дж. Буша-ст., которые спонсировались этими корпорациями. Фактически эта политика строилась не на идеях рыночного фундаментализма и не на потребностях внутриэкономического развития страны; она исходила из намерения «внедрить» эти корпорации в механизм функционирования мировой экономики.

После войны в Персидском заливе в начале 1990-х годов эта проблема казалась более или менее разрешённой, однако в начале текущего столетия для правящих кругов США стало достаточно очевидным, что рыночный механизм регулирования цен и поставок углеводородного топлива имеет ряд негативных побочных эффектов; в частности, на мировой «нефтегазовой трубе» сидит немало режимов и стран, проводивших и проводящих достаточно независимую от США внешнюю политику и не разделяющих «американскую систему ценностей», в том числе – Иран, активно реализующий программу создания ядерного оружия. Именно эта ситуация наглядно проявила себя в Ираке, против которого США начали войну в 2003 г. Война в Ираке поставила проблему энергетической безопасности на одно из первых мест в списке приоритетов американской стратегии национальной безопасности.

Согласно определению Международного энергетического агентства, энергетическая безопасность означает «гарантированные бесперебойные поставки энергии по приемлемым ценам с учётом фактора возможного влияния на состояние окружающей среды» [38]. В настоящее время (по состоянию на 2009 г.) доля нефти в структуре энергопотребления США составляет 37%, природного газа – 24%, угля – 23%, атомной энергии – 9% и доля возобновляемых источников энергии – 7%. Двумя главными секторами американской экономики – потребителями энергии являются транспорт (27,8%) и промышленность (20,6%), а всего американцы платят за потребляемую энергию 500 млрд. долл. в год.

Проблема растущей уязвимости США к бесперебойным поставкам нефти с внешних рынков может быть наглядно прослежена на примере растущего разрыва между тенденцией роста доли импортируемой нефти в структуре американского энергопотребления и планами по её резкому снижению, которые регулярно выдвигали все американские администрации, начиная с Р. Никсона. Эти тенденции наглядно прослеживаются на примере фактов и данных, суммированных в таблице 3.

Самую большую тревогу в США в последнее время вызвало то обстоятельство, что в 2009 г. КНР вышла на первое место в мире по потреблению реализованной на внешних рынках нефти, оттеснив США на вторую позицию, хотя ещё в 2000 г. она потребляла в 2 раза меньше экспортируемой нефти, чем США [56, р. 5]. Как отметил американский аналитик К. Кули, «энергетическая уязвимость США в настоящее время растёт по мере того, как всё большее количество стран начинает всё более активно конкурировать за ограниченные (некоторые могут даже сказать – уменьшающиеся) ресурсы нефти по мере роста их энергетических appetitов. Эта незащищённость Америки ещё больше усугубляется вредоносным эффектом, который оказывается на нашу атмосферу сжиганием твёрдого топлива, и усиливающимся пагубным воздействием парниковых газов, которое крайне негативно сказывается на здоровье американцев и её богатой и разнообразной природной среде» [16, р. 7].

«Границы на замке»

Создание в 1994 г. Североамериканской зоны свободной торговли, объединившей США, Канаду и Мексику (НАФТА), подавалось в 1990-е годы как разновидность интеграционной модели, лишённой привычных государственных границ. Именно такая модель должна была прийти на смену обособленным экономическим системам, разделённым хорошо укреплёнными границами, символом которых была разрушенная в 1989 г. Берлинская стена. Однако не прошло и нескольких лет, как под боком у США возник «североамериканский Афганистан»: через «прозрачную» американо-мексиканскую границу хлынули потоки наркотиков, незаконных иммигрантов и бандформирований, а из США к югу от р. Рио-Гранде – оружие и контрабандные финансовые средства. После событий 11 сентября 2001 г. США провели коренную реорганизацию своих таможенных и пограничных служб, сделав их подведомственными Министерству внутренней безопасности.

Особое внимание было уделено реорганизации Пограничной службы, перед которой в ноябре 2005 г. Министерством внутренней безопасности была по-

ставлена задача создания хорошо укрепленной и оснащенной по последнему слову техники американо-мексиканской границы протяженностью 3,15 тыс. км, как представляющей наибольшую угрозу для национальной безопасности США. Американо-мексиканская граница частично является сухопутной (в её западной части), протяженностью почти 1,1 тыс. км, а частично водной, проходя по рекам Колорадо и Рио-Гранде (в её восточной части), протяженностью 2,05 тыс. км. К весне 2011 г. Пограничная служба США оборудовала сухопутную часть этой границы ограждениями, препятствующими её преодолению как пешим способом, так и автомобильным транспортом, потратив на строительство 4,4 млрд. долл. [32, р. 1].

Всего, согласно подсчётам Пограничной службы США, эксплуатация и ремонт объектов сухопутной границы, главным образом, проволочного ограждения, срок полезной жизни которого определён примерно в 20 лет, обойдётся казне федерального правительства в 6,5 млрд. долл. Сухопутная часть американо-мексиканской границы действительно является беспокойной, в частности, на протяжении 2010 фин. г. Пограничная служба США зарегистрировала свыше 4 тыс. повреждений проволочного ограждения, на устранение которых было потрачено 7,2 млн. долл. [34, р. 9–10]. Американо-мексиканская граница достаточно хорошо насыщена радарными, сенсорными и камерными слежения, которые функционируют в непрерывном режиме примерно 85% суточного времени; вся граница также патрулируется беспилотными самолётами-разведчиками «Предатор». Согласно заявлению министра внутренней безопасности Дж. Наполитано, к 2011 фин. г., по сравнению с 2004 фин. г., численность сотрудников и пограничников, обеспечивающих охрану американо-мексиканской границы, была увеличена вдвое и достигла почти 21 тыс. человек [51, р. 6].

Сооружение границы позволило резко сократить количество незаконных иммигрантов и нарушителей границы, пытающихся перебраться из Мексики в США. До сооружения защитных ограждений Пограничная служба США ежегодно задерживала примерно 1 млн. незаконных иммигрантов и нарушителей границы; к 2010 фин. г. их количество сократилось примерно до 450 тыс. человек [53, Table 1]. Сама Пограничная служба США признаёт, что она в среднем задерживает одного из 5 незаконных иммигрантов и нарушителей границы. В 2010 фин. г. Пограничной службе США удалось перехватить и арестовать порядка 1,1 тыс. т марихуаны. В 2010 фин. г. охрана южных рубежей США обошлась Пограничной службе США в 3 млрд. долларов [32, р. 1].

Однако с перехватом незаконного оборота финансовых средств дело обстоит значительно хуже; в частности в 2010 фин. г. Пограничной службе удалось арестовать партии денежных средств, вырученных от незаконного оборота наркотиков, на сумму 147 млн. долл., в то время как по официальной оценке Национального антинаркотического центра США через американо-мексиканскую границу ежегодно незаконно проходит от 18 до 36 млрд. долл. [34, р. 5, 7]. Причина «низкого КПД» состоит в том, что к концу 2010 г. под «оперативным» контролем находилось менее половины американо-мексиканской границы, главным образом сухопутной [32, р. 5]; при этом под оперативным контролем Пограничная служба США имела в виду возможность быстрого или га-

рантированного задержания нарушителей границы при их появлении на территории страны. В настоящее время практически неприкрытыми остаются участки границы, проходящей по акваториям рек Колорадо и Рио-Гранде.

Несмотря на это, в январе 2011 г. Министерство внутренней безопасности по финансовым соображениям отказалось от планов насыщения всех участков американо-мексиканской границы современной техникой слежения и контроля. Отложены «в долгий ящик» и планы создания полосы отчуждения на всём протяжении границы, хотя в целом потребность в дальнейшем её укреплении, как неоднократно давало понять руководство Министерства внутренней безопасности, по-прежнему стоит исключительно остро. В целом, охрана государственных границ обходится федеральному правительству США ежегодно в 12 млрд. долл., а численность персонала соответствующих служб, подведомственных Министерству внутренней безопасности, достигает почти 41 тыс. человек [34, р. 1]. Однако следует при этом иметь в виду, что полностью неприкрытой по-прежнему остаётся американо-канадская граница, на которой Пограничная служба США осуществляет оперативный контроль только над 52 км из общей протяжённости северной границы США почти в 6,5 тыс. километров [47, р. 2].

Такова цена, которую США платит за следование неолиберальной модели экономики с «открытыми границами».

(Окончание статьи в следующем номере)

Список литературы

1. *Роговский Е.А.* США: информационное общество (экономика и политика). – М.: Международные отношения, 2008. 408 с.
2. *Роговский Е.А.* Научно-технический прогресс и кризис. // «США ♦ Канада: экономика, политика, идеология». 2009. № 10. С. 23–44.
3. *Aisen A. and Jose Veiga F.* How Does Political Instability Affect Economic Growth? IMF Working Paper. WP/ 11/12. Wash., 2011. 28 p. (<http://www.imf.org>).
4. Analytical Perspectives. Budget of the United States Government. Fiscal Year 2005. Wash., 2004, ix + 394 pp.
5. *Avelanda M. & Cont R.* Transparency in Credit Default Swap Markets. July 2010. 23 p. (<http://www.isda.org>).
6. Barclay Hedge. Barclay Hedge Fund Index, 2007–2011 (<http://www.barclayhedge.com>).
7. BEA. Industry Economic Accounts> Gross-Domestic-Product-by-Industry-Accounts, 1947-2010> Value Added by Industry as a Percentage of Gross Domestic Product>Interactive Tables (<http://www.bea.gov>).
8. BEA. National Income and Product Accounts Table. Table 1.1.1. Percent Change From Preceding Period in Real Gross Domestic Product. Interactive Tables (<http://www.bea.gov>).
9. *Beer F.* Peace against War: The Ecology of International Violence. San Francisco: W. H. Freeman & Co., 1981. xxvi + 447 p.
10. *Blau B. and Brough T.* Bear Raids by Short Sellers. Posted March 11, 2011. 26 p. (<http://www.ssrn.com/abstract=1777244>).

11. *Brown G., Green J., Hand J.* Are Hedge Funds Systemically Important? September 2010. 31 p. (<http://www.ssrn.com/abstract=1689079>).
12. Cato Institute. *Losman D.* Economic Security: A National Security Folly? // Policy Analysis. August 1, 2001. No. 409. 12 p.
13. CBO. Macroeconomic and Budgetary Effects of Hurricane Katrina. September 6, 2005. ii + 7 p. (<http://www.cbo.gov>).
14. CBO. An Assessment of CES and Cobb-Douglas Production Functions. June 2008. 2008-05. Wash., 2008. ii + 30 p. (<http://www.cbo.gov>).
15. Centers for Disease Control and Prevention. Injury Prevention & Control. Injuries and Violence are Leading Causes of Death: Key Data & Statistics (<http://www.cdc.gov>).
16. *Cooley K.* Energy Security is National Security. Comments Featured at the 2010 Topical Symposium: Economic Security: Neglected Dimension of National Security? Hosted by: The Institute for National Strategic Studies of the National Defense University, 24–25 August 2010. iii + 9 p. (<http://www.isnss.com>).
17. CRS. The Economic Effects of 9/11: A Retrospective Assessment. September 27, 2002. RL31617. Wash., 2002. iv + 55 p. (<http://www.crs.gov>).
18. CRS. The Export Administration Act: Evolution, Provisions, and Debate. July 15, 2009. RL31832. Wash., 2009. ii + 27 p. (<http://www.crs.gov>).
19. CRS. Costs of Major U.S. Wars. June 29, 2010. RS22926. Wash., 2010. ii + 5 p. (<http://www.crs.gov>).
20. CRS. Economics and National Security: Issues and Implications for U.S. Policy. January 4, 2011. R41589. Wash., 2011. iii + 77 p. (<http://www.crs.gov>).
21. Deep Water. The Gulf Oil Disaster and the Future of Offshore Drilling. Report to the President. National Commission on the BP Deepwater Horizon Oil Spill and Offshore Drilling. Wash., 2011. xii + 381 p.
22. *Dolfman M., Wasser S., and Bergman B.* The Effects of Hurricane Katrina on the New Orleans Economy // Monthly Labor Review. June 2007. P. 3–18.
23. *Duttagupta R. and Mlachila M.* What is Really Good for Long-Term Growth? Lessons from a Binary Classification Tree (BCT) Approach. IMF Working Paper. WP/08/263. Wash., 2008. 27 p. (<http://www.imf.org>).
24. Economic Report of the President – 2004. Wash., GPO, 2004. iii + 412 p.
25. Executive Office of the President. A Framework for Revitalizing American Manufacturing. December 2009. 32 p. (<http://www.whitehouse.gov>).
26. FBI. 2005 CSI/FBI Computer Crime and Security Survey. 24 p. (<http://www.GoCSI.com>).
27. FBI. 2009 Internet Crime Report. 23 p. (http://www.ic3.gov/media/annualreport/2009_ic3report.pdf).
28. *Feldstein M.* Economic Conditions and U.S. National Security in the 1930s and Today. NBER Working Paper Series. Working Paper 15290. August 2009. 23 p. (<http://www.nber.org/papers/w15290>).
29. Fiscal Year 2012. Analytical Perspectives. Budget of the U. S. Government. Wash., 2011. xii + 481 p.

30. *Freeman K.* Economic Warfare: Risks and Responses. Analysis of Twenty-First Century Risks in Light of the Recent Market Collapse. Cross Consulting and Services, LLC. June 2009. 110 p. (<http://www.deepcapture.com/>).
31. GAO. CYBERSPACE United States Faces Challenges in Addressing Global Cybersecurity and Governance. July 2010. GAO-10-606. Wash., 2010. iv + 46 p. (<http://www.gao.gov/new.items/d10606.pdf>).
32. GAO. Border Security. Preliminary Observations on Border Control Measures for the Southwest Border. February 15, 2011. GAO-11-374T. Wash., 2011. i + 13 p. (<http://www.gao.gov>).
33. GAO. Border Security. Preliminary Observations on the Status of Key Southwest Border Technology Programs. March 15, 2011. GAO-11-448T. Wash., 2011. i + 11 p. (<http://www.gao.gov>).
34. GAO. Border Security. DHS Progress and Challenges in Securing the U.S. Southwest and Northern Borders March 30, 2011. GAO-11-508T. Wash., 2011. i + 24 p. (<http://www.gao.gov>).
35. *Harris T. et al.* Annual Industry Accounts: Revised Statistics for 2007–2009 // Survey of Current Business. January 2011. P. 9–29.
36. *Hoover K., and Perez S.* Truth and Robustness in Cross-Country Growth Regressions // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 2004. Vol. 66. No. 5. P. 765–798.
37. *Hutchinson M.* How Washington Blew it by Not Banning Credit Default Swaps // Money Morning. June 28, 2011.
38. International Energy Agency. By Topic> Energy Security. (<http://www.iea.org>).
39. International Strategy for Cyberspace. Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. May 2011. i + 25 p. (http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf).
40. Joint Study on the Feasibility of Mandating Algorithmic Descriptions for Derivatives. A Study by the Staff of the Securities and Exchange Commission and the Commodity Futures Trading Commission as Required by Section 719 (b) of the Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act. April 7, 2011. iv + 26 p. (<http://www.sec.gov>).
41. *Klein N.* The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. New York: Metropolitan Books, 2007. xiii + 664 p.
42. *Monaghan A.* Greenspan Joins Hedge Fund Paulson // The Telegraph. July 11, 2011.
43. National Infrastructure Protection Plan 2009. vii + 175 p. (<http://www.dhs.gov/nipp>).
44. National Security Strategy. May 2010. Wash., 2010. v + 52 p.
45. Statement for the Record on the Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community for the Senate Select Committee on Intelligence. James R. Clapper, Director of National Intelligence. February 16, 2011. 33 p. (<http://www.odni.gov>).
46. Statement for the Record. The Honorable Janet Napolitano, Secretary, United States Department of Homeland Security, before the United States Senate

Committee on Homeland Security and Governmental Affairs. February 17, 2011. 11 p. (<http://www.congress.gov>).

47. Statement of Senator Susan M. Collins. The Homeland Security Department's Budget Submission for Fiscal Year 2012. Committee on Homeland Security and Governmental Affairs, February 17, 2011. 3 p. (<http://www.congress.gov>).

48. *Solow R.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. P. 65-94.

49. *Swan T.* Economic Growth and Capital Accumulation // Economic Record. 1956. Vol. 32. P. 334-361.

50. Testimony of Alan Greenspan. Financial Crisis Inquiry Commission. April 7, 2010. 24 p. (<http://www.fcic.gov>).

51. Testimony of Secretary Janet Napolitano, U.S. Department of Homeland Security, before the United States Senate Committee on Homeland Security and Governmental Affairs. May 4, 2011. 16 p. (<http://www.congress.gov>).

52. The National Strategy to Secure Cyberspace. February 2003. Wash., 2003. xiv + 60 p. (http://www.us-cert.gov/reading_room/cyberspace_strategy.pdf).

53. U.S. Border Patrol. Total Illegal Alien Apprehensions by Fiscal Year. Tables 1-3. (<http://www.cbp.gov/apps.pdf>).

54. U.S. Food and Drug Administration. Overview. 22 p. (<http://www.fda.gov/downloads/Training/.../UCM218900.pdf>).

55. U.S. Food and Drug Administration. Public Hearing: Considerations Regarding Food and Drug Administration Review and Regulation of Articles for the Treatment of Rare Diseases; Public Hearing. Federal Docket Number: FDA-2010-N-0218. 90 p. (<http://www.fda.gov/downloads/ScienceResearch/SpecialTopics/.../UCM243857.pdf>).

56. World Energy Outlook 2010. Executive Summary. 14 p. (<http://www.iea.org>).

57. WTO. World Trade Report 2003. Trade and Development. Geneva, 2003. XXI + 242 p. (<http://www.wto.org>).